

СОДЕРЖАНИЕ

9

Богоматерь

19

Трамплин

24

Сестра

44

63

Усилитель вкуса

67

Деконструкция ангела

76

Мокрица

110

Вавилонская блудница

135

173

Умиравший сад

179

Тайна

193

Плач нимфы

200

Огонь

208

Вот! — он держал в руке яблоко. —

Что это значит?

ЮРИЙ ОЛЕША. ЛЮБОВЬ

Я хочу написать правду — неверную, путаную правду, хотя бы попытаться наделить краешек буквы той тенью, которая ей принадлежит. Я не знаю, из чего она состоит, и не знаю, зачем нужна. Может быть, правда — это вывернуть глаза наизнанку, пытаясь объяснить, что видишь. Если это сделать, глаза лишатся своих функций. Этого не надо бояться. Правда существует и в бесцветье, и в темноте. Она призывает нас говорить другому о том, что мы (не) видим. Этот рассказ и есть правда — безглазая, голосистая буква.

Когда я пытаюсь понять себя и разгадать загадку собственного внутреннего движения, часто опережающего физическое — взросление, старение, правду изменения тела, я опираюсь на сравнение с другими, с чужими духовными искания-

ми, с иными путями. Я заимствую чужие опоры, чужие ступени, потому что человек несамостоятелен, человек — всегда пазл. Но он научился, не мог не научиться по своей природе оставлять свидетельства разгадывания.

Я — женщина. Я знаю разных женщин: мать, бабушку, тетю, первую учительницу и всех не первых учительниц, подруг, наставниц и просто знакомых. Знаю женщин-писательниц, живых и умерших. Женщин-художниц, издательниц, журналисток, докториц, бухгалтерок. Женщин сотен профессий. Знаю женщин замужних и незамужних, женщин интровертных и экстравертных. Характеризовать их можно через многое, ибо человек многогранен.

Дело лишь в том, как мало я на самом деле их знаю.

Неспособность сформулировать свою веру, свой взгляд заставляет меня заниматься письмом. Я наблюдаю за людьми и за тем, в чем они находят опоры, чтобы понять, как устроен наш мир — мир людей, которые думают что-то и делают что-то благодаря или вопреки своим верованиям.

Точка, в которой мы все находимся, не лежит ни на одной из прямых. Настоящее вообще не принадлежит времени, оно постоянно. Прошлое — это то, как монотонно, всежизненно мы фиксируем изменчивое настоящее. Мы можем предсказывать, что будет, но эти предсказания так же зыбки, как уверенность в том, что ночью нам удастся заснуть, и так же неожиданны, как бессонница после дня тяжелого труда.

В астрологии, средневековом учении о влиянии небесных тел на жизнь человека, есть понятие Лилит, черной луны. Вообще, астрология утверждает, что характер и судьбу можно рассчитать с помощью натальной карты. Карта составляется с помощью точного времени и места рождения и показывает положение звезд на небе в момент первого вдоха. Одно из важнейших светил для человека — луна. Ее положение определяет ваш внутренний мир, ваши духовные искания, жизнь, скрытую от других, ту, которую невозможно разделить.

Лилит, или черная луна, в астрологии похожа на понятие бессознательного в психоанализе — совокупность психических процессов и явлений, не входящих в сферу сознания субъекта. Всё,

что вытеснено из сознания, вытеснено из-за боли, неприятия, внутреннего конфликта. Наша «темная сторона», которая так или иначе управляет нами, а мы даже не подозреваем о ее существовании. Она дарует нам сны, ассоциации, первые эмоциональные реакции и наверняка что-то еще. За это и отвечает Лилит — черная луна.

Для меня астрология — одно из метафорических верований, одна из попыток понять метафизическую природу бытия и избежать факта, осушающего великолепное сущее. Это одно из верований, которое в обход религиозных институций объясняет то, что еще не доказано и, скорее всего, никогда не будет доказано. Астрология основана на мифах, культура — тоже. Почему бы в таком случае не приравнять этот метод изучения человеческого характера не к науке, но к искусству?

Итак, Лилит. Бессознательная луна — темная, непрочитанная дева, кто она и почему невидима? Согласно алфавиту Бен-Сиры, Лилит создана вместе с Адамом «из праха земного». Она была первой женой Адама, но отказалась подчиняться своему мужу, так как считала

себя таким же творением бога Яхве, как и Адам. Адам и Лилит поссорились. Женищина произнесла тайное имя бога Яхве, поднялась в воздух и улетела от Адама. Тогда Адам обратился к Яхве с жалобой на бежавшую жену. Яхве послал вдогонку трех ангелов. Они застигли Лилит у Красного моря, она категорически отказалась вернуться к мужу. Ангелы угрожали ей смертью, но в конце концов превратили ее в злого демона, убивающего младенцев.

Лилит могла бы стать нашей прародительницей, но Адам отказался признать ее равной себе, а она отказалась становиться помощницей Адама, то есть занять подчиненное положение. Пришлось богу сделать вторую жену Адаму из его же ребра, чтобы на этот раз никаких вопросов о зависимости Евы от Адама не возникло. С тех пор образ Лилит демонизировался не только посредством превращения ее в демона как такового, но и через наделение ее «соблазнительностью», разрушающей брачные узы. Витальность женщины раскололась надвое: бесплодная сексуальность, соблазнительность Лилит, которая отнимает у мужчин будущее в виде потомства, и антисексуальная детородность Евы, вечной помощницы и хранительницы оча-

га. Да и какая уж тут сексуальность, когда ты буквально сам родил себе партнершу. Третьего, выходит, не дано.

В каббале есть версия, которая пришла в голову и мне, после того как я изучила феномен образа Лилит. Якобы впоследствии Лилит становится змеем-искусителем, точнее, змеей-искусительницей, соблазнившей Еву вкушать плод с дерева познания добра и зла. Позже, уже в живописи прерафаэлитов, например у Джона Кольера, Лилит изображается со змеей, почти сливается с ней. Змея опутала обнаженную рыжеволосую девушку. Однако та не паникует, она сама изгибается словно змея, становясь единым целым с загадочным пресмыкающимся, некогда наказанным богом и лишенным всех членов.

Пожалуй, самая независимая женщина иудейской и христианской мифологии оказывается неизбежно связана с грехом. Мало того что она заражает младенцев всякими болезнями, она еще и соблазняет праведных мужей своей красотой, сбивает их с пути истинного. В этой патриархальной парадигме сама независимость становится грехом. Коварная Лилит — воплощение

зла, метафора самых тайных, а значит, самых стыдных сторон нашей души. В зависимости от того, в какой знак и какой дом попадет Лилит в вашей натальной карте, будет, согласно астрологии, определяться сфера вашего личного нравственного упадка, ваша способность грешить.

Мне не нравится такое искажение, дарованное мифом, временем, обществом. Выходит, прекрасная Лилит — хитрый удав греха, готовый умертвить праведного прародителя, но выбирающий его соблазнить (еще и через супругу). Лилит — темнота космоса, красная жила стыда, зло во плоти, ибо только зло может быть сексуально и свободно. Я сталкиваюсь с этим мифом, когда одеваюсь слишком откровенно и тем самым ввожу праведную половину населения во грех меня возжелать. Когда пишу очередную сцену секса в тексте и заставляю читателя краснеть от стыда. Я стою за прилавком в магазине, где работаю, и с серьезным лицом что-то ищу в компьютере. Посетитель говорит мне: «Не грустите! Вы красивая блондинка. У вас все будет хорошо. Вас обязательно захотят». Ну, что же, слава богу! Или слава Лилит?

Я представляю свою Лилит, и оказывается, что это и есть я. Во мне неразрывны грехи и добродетели, способность к правде и способность ко лжи. Мое тело неотделимо от духа — по крайней мере, у меня нет других сведений на этот счет. Я в равной степени способна дать жизнь и лишить жизни, и мне не нужно ничье прощение и ничье разрешение быть на этой земле в ненависти и в любви, молиться и проклинать. Я полна болезненной слабости и стойких желаний. Во мне нет ангела и демона, нет никакой дуальности, есть только большой и яркий калейдоскоп, гниющее яблоко жизни, змеиная мудрость и мерзость.

Жизнь изменилась за две с лишним тысячи лет. Но мы всё еще помним о своевольной женщине, превращенной в демона, а демоны все еще страшат нас.

Действительно, что еще может пугать человека в обществе, где главной силой является власть, а отказ подчиняться ей ненормален, греховен и все чаще безумен?

Я обращаюсь к мифу, потому что он все еще бессмертен и все еще влияет на нас, неокрепших

и не готовых к масштабу и бессмысленности научного прогресса последних десятилетий. В мифе я нахожу бесконечными красоту и власть. Однако он изменчив — им обладают все, а он никому не принадлежит. Значит, я вправе ощутить его таким, каким захочу. В этом я прощупываю собственную власть в мире, где даже результат того, что так или иначе зависит от меня как от человека с набором социальных ролей, невидим. В мире, где мне, возможно, суждено никогда не понять, каковы результаты моего собственного труда. Это такой зыбкий, зыбучий мир, в котором утрата веры во что бы то ни было оказывается более выносимой, чем уверенность.

Женские образы в искусстве прошлых веков чаще всего сугубо функциональны. Даже Лилит в своем роде функция, форма неправильного, ненужного. Но было бы несправедливо не отметить, что в религиозных текстах любой персонаж функционален, а не жив. Я же ищущу способа оживить тех, чьими именами нас нарекают по сей день, по чьим законам оценивают и судят. Ибо современная Лилит — это обычная женщина, а изгнание из Рая в бытовой современной мифологии — это развод или измена.

Я ищу отличий и общностей, хочу сплести своих героинь, как сплетаю прописные буквы на листе. Одна наползает на другую, они могут слиться или случайно друг друга перекрыть и утратить значение, но не до конца. Потому что, дополняя друг друга, они воплощают и фиксируют то, чего никогда прежде не существовало, — новое слово. Может быть, это будет слово о моей черной луне, о тайне того странного, необъяснимого чувства, которое есть у каждого и о котором невозможно говорить и невозможно не говорить. А может быть, это будет об их луне, о мифе или о правде. В любом случае буквы сплетутся, чтобы быть и чтобы искать.

БОГОМАТЕРЬ

Перепеленала младенца. Она совсем не хотела этого. Иногда думала, в какую из ночей они с ним зачали. Зачадили. Они ведь это делали каждую ночь и предохранялись. И потом врач с таким едким полукивком недоверия смотрела, будто думала: грех, грех, обожаю смотреть на грех и его исходы, я ведь для того и выбрала профессию рассматривать женское лоно. Первородный грех, как значительно. И все чувствовали свою связь с грехом, когда приходили к гинекологу.

Меня разорвет на части. А потом все срастется. Надеюсь, быстро. Иначе не знаю, как смогу жить. Без радостей! Придется все время ублажать его ртом — а меня? Колоссальная боль. Это из-за греха. И слезы младенца.

А можно не грешить? Если используешь презерватив, вероятно, грех соития не считается. Ведь тогда никаких детей не будет, а значит,

ни новых страданий, вплетающихся во всемирную паутину боли, ни нового поставщика мусора для умирающей экологии и никаких студенческих митингов. Но презервативы не перерабатываются. Тогда лучше таблетки. Но бывают вредны для здоровья, и надо идти к врачу, чтобы подобрать. А там стоит только озвучить просьбу, как окажешься грешным. Неизбежно. Любой человек — боль жизни.

Я такая умная. А его папа — как непривычно называть его папой — просто гений. Вот у него нос сейчас как грецкий орешек в разрезе, а вырастет — будет как груша и будет дышать пластиком.

Удивительно, что, когда ребенок рождается, его колошматит по попке медсестра, и он оживает.

Она ехидно усмехается, думая, что так и со взрослыми.

Он вырастет гением. Главное — не давить на него. Или давить? Не любить или любить? Но он напишет симфонию, создаст литературный кружок, у него будет дар к натуралистической живописи — чего не хватает в XXI веке, и я буду помогать ему. В толстой великой книге, вроде «Войны и мира», под названием будет эпиграф: «Маме», ну и «Папе». Ха-ха.